

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ
SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

УДК 316.35

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-2-0-1

Беляев В.А.

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА
В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Казанский научно-исследовательский технический университет –
КАИ им. А.Н. Туполева,
ул. Карла Маркса, 10, Казань, 420111, Россия
kai@kai.ru

Статья поступила 3 апреля 2018 г.; Принята 3 июня 2018 г.; Опубликовано 30 июня 2018 г.

Аннотация. В статье раскрыты четыре этапа институционализации проявлений экстремизма и терроризма в РТ (межэтнический конфликт конца 1980-х годов; радикализация татарского движения и кризисы легитимности власти начала 1990-х годов; стабилизация 2000-х годов с рождением экстремизма футбольных фанатов; конфликт квазирелигиозных террористов и ФСБ в 2010-х годах). Выделены восемь источников квазирелигиозного терроризма и экстремизма. С целью анализа распространенности питательной среды данных негативных феноменов был проведен опрос молодежи Татарстана, показавший преобладание осуждения любого экстремизма. Вместе с тем молодежь видит опасность ряда социальных сетей как канала распространения экстремизма и мобилизации радикалов. Отказ от экстремизма не равнозначен социальной пассивности, в молодежной среде преобладает социальный активизм, отказ от смирения с несправедливостью. Религиозный экстремизм, несмотря на громкие акции, не стал популярным среди молодежи, у него слишком тонкая мобилизационная база. В то же время другая форма экстремизма – этнический и языковой радикализм, из-за неуклюжей политики властей РТ в сфере образования, стал нарастать с обеих сторон (среди татар и русских). В силу этого весьма значительный сегмент молодежи считает межэтнические отношения в республике напряженными и даже конфликтными. При этом проявления межнациональной и межрелигиозной нетерпимости в реальной жизни молодые люди видят редко, в отличие от интернета, где треть опрошенных встречается их часто и даже постоянно, причем у 4,1% респондентов реакция на такую «встречу» благожелательная, что представляется весьма опасным. В статье предложены и десять путей противодействия экстремизму и терроризму в Республике Татарстан.

Ключевые слова: институционализация экстремизма и терроризма; источники квазирелигиозного терроризма и экстремизма; социальные сети как канал мобилизации радикалов; религиозный, этнический и языковой радикализм.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта «Динамика реальных и условных поколений в информационном, полиэтноконфессиональном обществе (на материале Республики Татарстан)» № 17-06-00474.

Vladimir A. Belyaev

**EVOLUTION OF TERRORISM AND EXTREMISM
IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN**

Kazan Research Technical University – KAI named after A.N. Tupolev
10 Karl Marx St., Kazan, 420111, Russia
kai@kai.ru

Received 3 April 2018; Accepted 3 June 2018; Published 30 June 2018

Abstract. The article covers four periods of institutionalization of extremism and terrorism in Tatarstan (from inter-ethnic conflict at the end of 1980-s, across radicalization of Tatar ethno-political movement and legitimacy crises at the beginning of 1990-s and birth of football fans' extremism in 2000s to the conflict between quasi-religious terrorism and FSB in 2010s). The author elicits eight sources of quasi-religious extremism and terrorism. For the purpose of analysis of social roots of these negative phenomena there was conducted a youth opinion poll. The poll shows the prevalence of condemnation of any extremism. The rejection of extremism is not equivalent to social passivity. In the youth environment, we can see the relevance of social activism, rejection of humility with lack of rights and prevalence of legitimate and democratic channels to combat injustice. Religious extremism, in spite of clamorous actions, has not become popular with young people, as it has a too thin mobilization base. At the same time, another form of extremism – ethnic and linguistic radicalism, resulting from awkward policy of the authorities of the Republic of Tatarstan in the sphere of education – began to grow on both sides (among the Tatars and Russians). Because of this, a very significant segment of the youth considers inter-ethnic relations in the republic tense and even conflict. Young people rarely see the manifestations of inter-ethnic and interreligious intolerance in real life, unlike the Internet, where one third of respondents encounter them frequently and even constantly, and 4.1% of the respondents have a favorable reaction to such “encounters”, which seems very dangerous. The article proposes ten ways to counter extremism and terrorism in the Republic of Tatarstan.

Keywords: extremism-terrorism`s institutionalization; sources of quasi-religious extremism and terrorism; social networks as a channel of radicals` mobilization; religious, ethnic and linguistic radicalism.

Введение (Introduction). Нарастание экстремизма и террористических проявлений в России в целом и в Республике Татарстан, в частности, делает злободневным их научный анализ в целях выявления их социальных корней, источников и каналов распространения для минимизации питательной среды и иных условий и факторов рождения экстремизма и терроризма.

В то же время чаще всего работы, посвященные противодействию терроризму и экстремизму, носят или сугубо практический, прикладной характер, или же чисто

юридический и даже политологический, зачастую они отражают лишь заграничный опыт борьбы с экстремизмом. При этом западные исследователи весьма долгое время воспринимали экстремизм и терроризм как нечто далекое от их стран и лишь в последние годы начали обращаться к опыту своих государств. Однако источники экстремизма на Западе больше коренятся в неограниченной миграции, в конфликте постмодернистской и традиционалистской культур, в несоответствии законодательства этих стран задачам своевременного, адекватного

и неотвратимого наказания за экстремистские деяния. Не всегда четко проводится граница между экстремизмом и терроризмом, и, наоборот, в ряде случаев экстремизмом считается любая внесистемная оппозиционная деятельность, если даже она требует лишь пересмотра законов, или даже жестикуляция отдельного человека (например, малолетнего ребенка), признанная неполиткорректной, вызывающей или двусмысленной (Coolsaet, 2012; Pickering, 2014; Schmid, 2014; Trilling, 2012; Thomas, 2012; Posluszna, 2015; Kumar, 2012; Christmann, 2012; Тушкова, 2018).

В России постмодернистская идеология еще не стала мейнстримом, поэтому главные факторы современного экстремизма и терроризма, с которыми страна столкнулась раньше, чем Запад, коренятся в социально-экономической неустроенности самих россиян и приезжих из ближнего зарубежья. Имеются пробелы и в законодательном оформлении путей борьбы с экстремизмом и терроризмом, на что указывают исследователи (Петрищев, 2013; Бааль, 2012; Косов, Панин, 2014; Грачев, Сорокин, Азимов, 2015). В то же время реальность такова, что невозможно искоренить и даже минимизировать эти делинквентные проявления без исключения их социальных корней, для чего в данной работе проведено и социологическое исследование предмета.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion).

Проведенный анализ показывает укорененность и определенную институционализацию проявлений экстремизма и терроризма в Республике Татарстан (РТ), прошедших такие этапы, в каждом из которых, наряду с новыми трендами, действовали и группы предшествующих этапов.

1. Татарский и русский радикализм в конце 1980-х гг. распространялся в сфере межэтнических отношений. Татарский выразился в сепаратистской и этнонационалистической деятельности Всетатарского общественного центра (ВТОЦ). Одним из основателей ВТОЦ явилось движение «Саф

ислам» («чистый ислам»), еще не порвавшее полностью с традиционным для татар ханафитским мазхабом. Русский радикализм был представлен «Русским собранием», быстро исчезнувшим из-за отсутствия массовой поддержки и пассионарных лидеров, а также благодаря деятельности Многонационального движения «Согласие».

2. В 1990-е гг. произошла радикализация татарского этнополитического движения в лице как ВТОЦ, так и партий-движений «Иттифак», «Суверенитет», «Азатлык», «Милли меджлис» с их требованиями этнонационального государства Татарстан, выхода из состава РФ, создания моноэтнических неконституционных «органов госвласти». Эти организации провоцировали кризисы легитимности власти в республике. В это же время появлялись отдельные русские радикалы в виде сторонников Русского национального союза (РНС). Вместе с тем заключение властями РТ Договора с руководством РФ привело к снижению уровня сепаратистских требований и к падению популярности экстремистов, избравших объектом своей атаки уже не только Московский, но и Казанский Кремль. Однако именно в этот период в обвиняемые в спонсировании терроризма Катар и Саудовскую Аравию, а также в Египет и Турцию, на религиозную учебу были посланы сотни молодых людей, открыто проповедовались нетрадиционные религиозные взгляды в ряде мечетей Казани, Набережных Челнов и более мелких поселений, в отдельных татаро-турецких лицах.

3. В 2000-е гг. власти РТ смогли нейтрализовать политизированных светских экстремистов. Прошел ряд судебных процессов, на которых татарские и русские экстремисты получили реальные сроки. В это же время начал «бродить» русский фашизм в среде футбольных болельщиков, часть которых пользуется нацистской символикой, вернулись в РТ и сотни обогащенных квазиидеологией ваххабизма проповедников – как татарских, так и турецких, среднеазиатских и кавказских.

4. В 2010-е гг. в РТ усилилась жесткая борьба против ваххабизма, террористами был сожжен ряд православных церквей, совершены покушение на муфтия РТ И. Файзова и убийство нач. учебного отдела ДУМ РТ В. Якупова. В этот период социологи, исламоведы и политологи забили в колокола, ФСБ начала активно бороться с террористическим подпольем, что стало ее успехом в деле борьбы с экстремизмом.

Поднимающийся ныне с обеих сторон в республике языковой радикализм (Trilling, 2012) – это повторный поворот к опасности этнического экстремизма от религиозного, что необходимо понимать в поиске взаимоприемлемого компромисса в преподавании языков в школе.

Однако сами источники квазирелигиозного терроризма и экстремизма сохранились. Каковы же они?

Первым является деятельность идеологов ваххабизма и терроризма. Для приехавших с «учебы» экстремистов ценность человеческой жизни стоит на последнем месте, а опыта толерантности нет совсем. Сюда же относятся вернувшиеся с «газавата», войн с «неверными» и отбывшие свой тюремный срок боевики-квазимусульмане.

Вторым – соединение радикальной части остатков татарского этнополитического движения с ваххабитами. Первое из них («Азатлык») обучает способам организации пикетов, митингов и шествий, «пробивания» разрешений на них через госорганы, вторые – массовую базу участников этих демонстраций с антиконституционными лозунгами. Очень настораживает и тесное сотрудничество ряда светских оппозиционеров (даже в группе «Общественные активисты» и местном «Яблоке») с такими экстремистами, ибо это дает дополнительные возможности для радикализации части общества. Есть люди с образованием, не реализовавшиеся в своей профессиональной сфере или на общественном поприще, часть из которых способна возглавить экстремистские группы и даже их идеологически

обслуживать. Дело в том, что разрабатывают и проводят в жизнь экстремистские доктрины люди, сознательно заинтересованные в собственном продвижении к власти.

Третьим источником является наличие широкой социальной опоры в лице маргиналов, выходцев из сел, просто потерявшихся в Городе, не способных одолеть социальную дистанцию между статусами крестьянина и горожанина и утративших в Городе с его социальной анонимностью и требованиями к квалификации, которых у бывших сельчан не может быть, социальный контроль со стороны прежней деревенской общины. Для них в 1980-е-1990-е гг. простейшим способом мобилизации, коммуникации, самореализации, возвращения уважения и самоуважения, консолидации выходцев из одного села, района являлось этнополитическое движение, а ныне – ваххабитские «уммы» вокруг отдельных мечетей, дающих им не только работу и пропитание, но и утешение, сатисфакцию, повышение социального статуса, выход из люмпенизированного положения.

Четвертый источник представляет собой бурный рост числа мигрантов из Средней Азии, выходцев с Кавказа, тоже исповедующих ваххабизм и очень недовольных, что руководство РТ начало чистить от экстремистов приходы, уммы и само духовенство. Они также потеряны в Городе и по тем же причинам объединяются в экстремистские секты.

Пятым источником и важным каналом приобщения к ваххабизму, псевдорелигиозного «обращения», миссионерской работы с неofiтами нетрадиционных толков ислама стали тюремные камеры и колонии, где ваххабиты активно заняты рекрутированием новых сторонников экстремизма.

Шестым источником распространения фрустрации в обществе, ведущей к его радикализации является либеральная (монетаристская) социоэкономическая политика, погружающая миллионы людей в маргинальное состояние, люмпенизирую-

щая население и вызывающая «передаваемую по поколениям депривацию». Такая политика противоречит и социальной сущности государства и не позволяет выйти из кризиса путем внедрения неокейнсианской модели, способной создать крупный средний слой и ликвидировать разительные социальные контрасты, нищету многих. Именно чувство социальной несправедливости существующей социоэкономической модели и питает экстремизм и выбор радикальных квазиидеологий, ссылающихся на «социальную справедливость и равенство начального ислама».

Седьмой причиной распространения идеологии ваххабизма является недостаточная активность противодействия со стороны татар-мусульман с традиционными для данного этноса верованиями, со стороны ДУМ РТ и интеллигенции. Подлинная интеллигенция не опускается до религиозного экстремизма, тем более в поликонфессиональной стране. Однако в среде социальной группы интеллигенции появилось довольно много людей, лишенных рефлексии, образованности, порядочности, сострадания, толерантности (Pickering, 2014).

Восьмое – это несформировавшиеся или неустойчивые взгляды молодого поколения, склонного к тому же к максимализму и «черно-белому» восприятию реальности. Для определения степени опасности экстремизма и терроризма в Республике Татарстан и борьбы с ними необходимо выяснить истоки, причины, предпосылки и степень распространенности радикальных взглядов среди молодежи и предложить меры их профилактики, предотвращения и купирования. Для этого выяснения под руководством автора данной статьи было осуществлено конкретное исследование, базирующееся на методах наблюдения, анализа документов, включая СМИ, а также на массовом опросе, проведенном в ноябре 2017 г. среди молодежи РТ в рамках гранта для

изучения потенциальной мобилизационной базы экстремизма¹. Выявление наличия среди молодежи радикальных и экстремистских взглядов было одной из задач этого исследования. Всего была принята к анализу 1.241 заполненная электронная анкета. Анкета заполнялась жителями Татарстана в возрасте 16-29 лет, из них 50,8% респондентов женского пола и 49,2% мужского, что примерно соответствует гендерной структуре молодого населения РТ. Эйджеистский (возрастной) состав опрошенных полностью соответствует требуемому. Вместе с тем особое внимание в исследовании уделялось не той категории, которая еще учится в школе и не имеет устоявшихся социополитических и этноконфессиональных взглядов, зато активно, почти поголовно пользуется информационно-сетевыми технологиями (в возрасте 16-17 лет опрошенных оказалось всего 8,4% от выборочной совокупности), и не той категории, которая, закончив ВУЗ, сформировав устойчивое мировоззрение и начав работать, все же не всегда использует социальные сети для выражения последнего (категория 23-29-летних составила 23,9% от всех респондентов). Акцент в опросе делался на категории 18-22-летних в силу их активности в задействовании информационно-сетевых технологий и открытости в артикуляции своих мнений по этноконфессиональным проблемам. Такой возрастной разброс объясняется также и провалом в рождаемости в РТ в последние годы горбачевской перестройки и первой половины ельцинских реформ (1988-1994 годы). Поэтому особый интерес к возрасту 18-22 года не только детерминирован задачами исследования, но и отражает возрастную структуру данного поколения. В целом, структура опрошенных по уровню образования и по сферам занятости также аналогична составу молодежи РТ в целом.

¹ В статье использованы данные массового опроса молодежи РТ, проведенного в рамках научного проекта № 17-46-160490 «Роль информационно-сетевых технологий в формировании этноконфессиональной толерантности/интолерантности молодого

поколения Республики Татарстан», выполняемого при финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Правительства Республики Татарстан.

По национальности распределение респондентов таково: 522 выбрали национальность «русский/ая», 508 – «татарин/ка», что в общем соответствует дуальному этническому составу населения РТ. Встречаются представители всех основных национальностей, населяющих РТ, однако ряд респондентов подчеркнул смешанный характер своего происхождения (указав сразу две национальности или «полинациональность») или назвал такие, что национальностью в строгом смысле не являются («РФ», «землянин» и пр.) и даже отказался отвечать на данный вопрос.

При анализе ответов на вопрос о национальности супруга/и (в случае наличия брака) мы видим большую долю тех, кто сам состоит в миксированном браке, что подчеркивает отсутствие не только антагонизма между основными национальностями, но и четких этнических границ и социально-этнических дистанций (семейной сегрегации) в рамках браков в РТ.

По месту жительства респонденты распределились следующим образом: 69,9% из них живут в г. Казани (мегаполисе, постоянно вбирающим молодежь со всей республики); в обоих «средних» по численности городах (Набережных Челнах и Нижнекамске) проживает, соответственно, 6% и 0,9%; остальные – в малых городах и деревнях, где доля молодежи сокращается из-за воздействия миграции из них.

Многих смутила формулировка вопроса «Как Вы относитесь к людям, готовым пожертвовать своей жизнью ради идеи (например, патриотической или религиозной)?», поэтому ответы так разделились: одни акцентировали внимание на патриотическом подвиге, другие – на неприемлемости религиозного фанатизма: 18,9% выбрали ответ «Я сам мог бы поступить так в некоторых случаях», 21,8% – «Для меня это недопустимо, но я отношусь к таким людям положительно», а 16,5% осудили это. Остальные предпочли не высказываться прямо. Видимо, такой вопрос в дальнейшем исследовании подлежит расчленению на

два. Собственно, основные конфессии также четко разводят патриотизм (с героизмом) и религиозную нетерпимость.

С точки зрения каналов распространения экстремистских взглядов представляет значимость проблема понимания респондентами опасности ряда социальных сетей, которыми опоясана молодежь (96,2% ежедневно выходят в интернет, а начали пользоваться им более 5 лет назад 63,8%, причем более 2/3 опрошенных проводят в нем ежедневно 1-3 или 5-7 часов; с этими оценками согласуются данные и иных исследований (Thomas, 2012)). Так, на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что Интернет и социальные сети несут в себе определенные угрозы для общества?» (можно было выбрать не более двух ответов) выбрали ответ «Да, они негативно влияют на психику молодежи, провоцируют рост самоубийств, терроризма» 17,5% опрошенных, «Да, они способствуют подрыву стабильности в обществе, способствуют массовым беспорядкам» – 8,6%. Сугубо социальный вред отметили 38,5% (вариант «Да, они отрывают человека от реальной жизни»). В то же время не видят серьезных угроз в распространении Интернета и социальных сетей 44,5%. Значит, имеется гораздо больше молодых людей, не замечающих проблем и опасностей от групп и общения в «личке», чем тех, кто предвидит угрозу распространения через Интернет терроризма и экстремизма.

О предполагаемых респондентами способах защиты своих прав можно судить по ответам на вопрос «В случае нарушения Ваших прав, что Вы, скорее всего, предпримете?», позволявший выбрать не более трех вариантов. Здесь доля «пассивистов»-фаталистов невысокая (ответили «Ничего, так как уверен в безуспешности каких-либо действий» 15,1% респондентов). Действовать через органы власти собирается большинство: через правоохранительные органы – 49,3%, через исполнительные органы власти – 27,6%, через суды – 17,8%. Тем самым большинство стоит за легальные каналы защиты своих прав.

Вместе с тем, опрошенные выбирают и иные каналы борьбы с попранием своих прав: как более активистские «Буду участвовать в акциях протеста» (4,4%, но именно эти акции могут быть как законными, так и противоправными), так и чисто незаконные «лазейки» «Буду использовать личные связи и вознаграждения» (12,5%) и социально-активистские «Постараюсь привлечь внимание общественности (обращение в СМИ, общественные организации, соцсети)» (13,7%). Очевидно преобладание активизма, отказ от смирения с бесправием и превалирование законных и демократических каналов борьбы с социальным злом.

Задавались в анкете вопросы, которые выводят на распространенность религиозного экстремизма. Собственно, самих верующих среди опрошенных молодых людей оказалось большинство: твердо верующих (т.е. веруют и соблюдают обряды и обычаи), как обычно, немного – 8,0%, а иных верующих (которые не соблюдающих все обряды) – 47,7%. Кроме того, имеются колеблющиеся молодые люди (13,0%), неверующие, но уважающие чувства тех, кто верует (20,0%), и воинствующие безбожники (требующие борьбы с религией – 6,3%). Эти данные согласуются с иными нашими исследованиями молодежи Татарстана (Posluszna, 2015). В любом случае, традиционные конфессии отвергают фанатизм, но одновременно псевдорелигиозный экстремизм существует именно в среде тех, кто считает себя твердо верующим. С точки зрения конфессий, обе основные были представлены одинаково, как и в жизни (по 32,5 % опрошенных), остальные – или не верят, или верят в «своего Бога» и т.п. Рекрутация в свою конфессию преобладает традиционная (разрешалось дать несколько ответов; «эту религию исповедуют в моей семье» – 60,4%; «это религия моего народа» – 39,9%). Реже встречается индивидуальный, самостоятельный выбор («эта религия больше всего соответствует моим убеждениям» – 20,6%; «об этой религии я больше всего читал и слышал» – 20,6%). Однако дома воспитаны в религиозном духе лишь

7,5%. Библию читали 29,6%, а Коран – 19,3% респондентов. Регулярно читает религиозные книги, религиозные сайты всего по 21 человеку (1,7%). Столько же посещают храм, мечеть или религиозные собрания раз в неделю и чаще.

Выбор религии, твердая вера иногда детерминируют взаимоотношения с иноконфессиональными людьми. Брак своих ближайших родственников с человеком иной веры считают нежелательным 9,4%, еще 22,1% предпочли бы человека своей веры, но возражать бы против выбора не стали. Остальные фактически разводят понятия брака и религии полностью.

В целом можно сделать вывод о том, что религиозные экстремисты вовсе не попали в выборку, что свидетельствует как об их непопулярности, так и хорошей законспирированности, но главное – о том, что у них слишком тонкая мобилизационная база среди молодежи.

Другой формой экстремизма является этнический и языковой радикализм. Среди опрошенных 53,2% ощущают свою принадлежность к определенной национальности со своими обычаями, традициями и языком, а 15,8% – сразу к нескольким национальностям, в то время как не чувствуют принадлежности к какой-либо национальности – 30,9%. Задумываются о своей национальности почти 60%.

Почти 70% считают, что их роднит с людьми своей национальности именно язык (можно было выбрать несколько ответов), тогда как родная земля и природа – 37,2%, обряды и обычаи – 28,4%, национальная литература, искусство – 22,8%, а вот религия – меньше (19,9%), особенности быта (пища, одежда и пр. – 17,9%), общая страна (16,6%, сравните с менее популярными ответами!), черты характера (15,0%), исторические судьбы, прошлое (9,9%), внешний облик (6,2%), «ничего не роднит» – это отметили 7%.

Представляется весьма показательным для оценки степени напряженности отношений и социальной дистанции между этносами ответ на вопрос «Насколько Вам

хотелось бы видеть представителя другой национальности (татарина для русских, русского для татар) в роли...?» и далее следует перечень социальных позиций. В отношении должности руководителя республики большинство (51,4%) относится к его национальности безразлично и лишь 15,1% очень бы этого не хотело. Такие высокие цифры неприятия объясняются расхождением взглядов на национальные проблемы между этой категорией и большинством населения, опасением потерять свой статус в случае занятия данного поста человеком инонациональным. Можно сказать, что такое неприятие не относится к оценке национальности иных социальных позиций (друга, соседа, коллеги по работе), однако названное неприятие несколько выше «президентского» в оценке национальности супруга/и и мужа/жены ребенка респондента. Собственно, авторские опросы студентов во времена СССР показывали как такие же цифры, так и аналогичную их иерархию.

В 2017 г. проходил пик весьма острых общественных дискуссий по преподаванию русского и татарского языков в школах РТ. Поэтому и был включен в анкету вопрос «Как Вы относитесь к проблеме преподавания татарского языка в учебных заведениях Татарстана?». Только 14,3% опрошенной молодежи убеждены, что «Татарский язык должен обязательно изучаться всеми учащимися, независимо от их национальности в равном объеме с русским языком», т.е. должна, по их мнению, сохраниться ситуация, вызывавшая недовольство городских татар и русских; ныне эту позицию можно назвать радикальной, не учитывающей интересы большинства. Более компромиссную позицию «Татарский язык должен быть обязательным для всех, но в меньшем объеме, чем русский язык» разделяют 19,3% респондентов. Другой компромисс (видимо, и выбранный властями всех уровней) предлагают 18,3%, считающие, что «Татарский язык должны изучать татары в обязательном порядке, а другие национальности – по желанию, факультативно». Бо-

лее радикальная позиция у тех, кто утверждает, что «Татарский язык должен изучаться только по желанию, факультативно, независимо от национальности учащихся», таковых 39,7%, некоторые из опрошенных еще более негативно относились к принятой до 2017 г. практике.

И, наконец, в анкете были и более прямые вопросы по проблеме экстремизма. Так, абсолютное большинство (54,0%) считают межнациональные и межрелигиозные отношения в Татарстане «в целом спокойными, дружественными», однако имеются и иные оценки: 21,3% считают эти отношения нейтральными, тогда как 8,6% убеждены, что отношения напряженные, а 1,9% назвали их конфликтными. Некоторые отметили, что причиной напряженности является преподавание татарского языка. В этом срезе и надо искать источники экстремизма с обеих сторон.

На вопрос «Встречались ли Вы когда-либо с проявлением межнациональной или межрелигиозной нетерпимости в реальной жизни?» 48,7% ответили отрицательно, однако 41,3% – что «Иногда приходится сталкиваться с подобного рода нетерпимостью, но не часто», а вот 8,9% встречались «достаточно часто». Это говорит о некоторых трениях, причем ряд респондентов назвал источником нетерпимости не русских и татар, а представителей иных национальностей. В интернете же целых 32,0% встречают такие проявления часто, постоянно и 37,7% – встречают иногда (совсем не видели такого 29,1% респондентов). Надо отметить, что у 4,1% опрошенных реакция на такую «встречу» благожелательная, «с пониманием, сам(а) иногда так поступаю», что весьма опасно.

Так что и Интернет в целом, и конкретно молодежная аудитория, не закаленная в идейных дискуссиях, могут стать источником экстремизма.

Заключение (Conclusions). Исходя из приведенной типологии источников экстремизма и терроризма, можно предложить и пути противодействия им. Это:

1) серьезное «профилактирование» (силами правоохранительных органов) всех приезжих из горячих точек и из-за границы (как иммигрантов, гастарбайтеров, так и учившихся там, не говоря уже о воевавших или сидевших в Гуантанамо) и актива футбольных болельщиков, а также предупреждение деятелей «Азатлыка», «Яблока», «Парнаса», «Общественных активистов» о недопустимости сотрудничества с псевдорелигиозными экстремистами; отказ от «симметричной реакции» на экстремизм разного толка путем выявления главной и наиболее массовидной опасности;

2) включение в борьбу с проповедями ваххабизма всех членов ДУМ РТ и СМИ республики для создания атмосферы нетерпимости даже к экстремистским высказываниям; закрытие экстремистских групп и сообществ сепаратистской, националистической и псевдорелигиозной направленности в социальных сетях (прежде всего, в самой популярной сети «вКонтакте»);

3) сокращение миграции из зараженных ваххабизмом и нацизмом стран и регионов, особенно учитывая рост миграции с Украины, среди приезжих с которой пока не наблюдается проявлений экстремизма (хотя и их деятельность надо контролировать, поскольку возможны засылки «спящих» экстремистов из «Правого сектора» и пр.);

4) совершенствование оперативно-разыскной деятельности правоохранительных органов для предотвращения терактов;

5) изменение условий содержания экстремистов в рамках пенитенциарной системы, их полная изоляция, с целью полного пресечения возможностей вербовки неопитов, квазирелигиозного прозелитизма внутри названной системы;

6) активизация деятельности Российского исламского университета в Казани в плане подготовки не только высшего эшелона кадров мусульманского духовенства, но и его среднего звена, мусульманских журналистов, экономистов, лингвистов, дипломатов;

7) не сокращение, а расширение преподавания в светских ВУЗах гуманитарных дисциплин (философии, культурологии, социологии, политологии, истории), полный отказ от «заочного» прохождения данных дисциплин (т.е. от «самостоятельной работы студентов»), возврат к еженедельному преподаванию данных курсов (68 часов занятий по каждому из них, а не 17 или 34 в каждом ВУЗе); введение в ежегодные отчеты профессорско-преподавательского состава вопросов профилактики экстремизма и терроризма с учетом их в балльной системе; анализ учебных пособий и учебников, распространяемых в школах и ВУЗах, на предмет исключения из них сюжетов, способных усиливать межэтническую и межрелигиозную напряженность и экстремизм;

8) проведение в каждом ВУЗе при участии АН РТ репрезентативных массовых опросов по выяснению распространенности радикальных идей в области национальных, конфессиональных и политических отношений; организация научных конференций по данным вопросам с приглашением правоохранителей и публикация полученных итогов и материалов;

9) организация фокус-групп молодежи для выяснения степени зараженности субкультурных объединений радикальными идеями;

10) изменение socioэкономической политики в русле неокейнсианства, отказ от монетаризма.

В целом борьба с вытравливанием источников экстремизма и терроризма предстоит тяжелая и долгая, но вполне осуществимая. И такая борьба потребует меньше затрат, чем ее отсутствие. Профилактика всегда дешевле и эффективнее, чем хирургия.

Список литературы

1. Бааль Н.Б. Политический экстремизм российской молодежи и технологии его преодоления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Н. Новгород, 2012. 42 с.

2. Грачев С.И., Сорокин М.Н., Азимов Р.А. Терроризм: концепты, идеология, проблемы противодействия. Н. Новгород: Институт ФСБ России, 2015. 164 с.

3. Косов Г.В., Панин В.Н. Политизация религиозного фактора в контексте региональной безопасности: северокавказская проекция. М.: Миракль, 2014. 192 с.

4. Калимуллина Э.Р., Беляев В.А. Информационно-сетевые и этноконфессиональные факторы миграции молодежи из малого города // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4.

5. Мингазова А.М., Беляев В.А. Варианты этноконфессиональной идентичности и толерантности в среде студенческой молодежи // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4.

6. Петрищев В.Е. Что такое терроризм, или Введение в террорологию. М.: КРАСАНД, 2013. 464 с.

7. Тушкова Ю.В. Государственная политика по противодействию экстремизму в Великобритании: дис... канд. полит. наук. Казань, 2018. 203 с.

8. Christmann K. Preventing Religious Radicalisation and Violent Extremism. A Systematic Review of the Research Evidence. Huddersfield: Youth Justice Board for England and Wales, 2012. 76 p.

9. Coolsaet R. Jihadi Terrorism and the Radicalisation Challenge: European and American Experiences. 2nd edition. Serrey: Ashgate Publishing Company, 2012. 344 p.

10. Kumar D. Islamophobia and the Politics of Empire. Chicago: Haymarket Books, 2012. 220 p.

11. Maximova O., Belyaev V., Laukart-Gorbacheva O. Transformation of The System of Bilingual Education in The Republic of Tatarstan: Crossover Ethnolinguistic Controversies // Journal of Social Studies Education Research. 2017. Vol 8, № 2.

12. Pickering R. Terrorism, extremism, radicalisation and the offender management system in England and Wales in Prisons // Terrorism and Extremism: Critical Issues in Management, Radicalisation and Reform / Ed. A. Silke. L.; N.Y.: Routledge, 2014. 312 p.

13. Posluszna E. Environmental and Animal Rights Extremism, Terrorism, and National Security. Oxford: Butterworth-Heinemann, 2015. 278 p.

14. Schmid A. Violent and Non-Violent Extremism: Two Sides of the Same Coin? Hague: ICCT, 2014. 31 p.

15. Trilling D. Bloody Nasty People: The Rise of Britain's Far Right. L.; N.Y.: Verso Books, 2012. 234 p.

16. Thomas P. Responding to the Threat of Violent Extremism. Failing to Prevent. L.: Bloomsbury Academic, 2012. 192 p.

References

1. Baal, N.B. (2012), "Political extremism of the Russian youth and technologies of its overcoming", Abstract of PhD dissertation, N. Novgorod, Russia. (*In Russian*).

2. Grachev, S.I., Sorokin, M. N. and Azimov, R. A. (2015), *Terrorizm: kontsepty, ideologiya, problemi protivodejstviya* [Terrorism: concepts, ideology, problems of counteraction], The Institute of FSB of Russia, N. Novgorod, Russia. (*In Russian*).

3. Kosov, G.V. and Panin, V. N. (2014), *Politizatsiya religioznogo faktora v kontexte regional'noj bezopasnosti: severokavkazskaya proektsiya* [Politization of the religious factor in the context of regional security: the North Caucasian projection], Mirakl', Moscow, Russia. (*In Russian*).

4. Kalimullina, E.R. and Belyaev, V. A. (2017), "Information-network and ethnoconfessional factors of migration of the youth from a small city", *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 4. (*In Russian*).

5. Mingazova, A.M. and Belyaev, V. A. (2017), "Variants of ethnoconfessional identity and tolerance among students", *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 4. (*In Russian*).

6. Petrishchev, V.E. (2013), *Chto takoye terrorism, ili vvedeniye v terrorologiyu* [What is terrorism, or Introduction to Terrorism], KRASAND, Moscow, Russia. (*In Russian*).

7. Tushkova, Yu.V. (2018), "State policy on countermeasures to extremism in Great Britain", Ph.D. Thesis, Kazan, Russia. (*In Russian*).

8. Christmann, K. (2012), *Preventing Religious Radicalisation and Violent Extremism. A Systematic Review of the Research Evidence*, Youth Justice Board for England and Wales, Huddersfield, UK.

9. Coolsaet, R. (2012), *Jihadi Terrorism and the Radicalisation Challenge: European and American Experiences*, 2nd edition, Ashgate Publishing Company, Serrey, England.

10. Kumar, D. (2012), *Islamophobia and the Politics of Empire*, Haymarket, Books Chicago, UK.

11. Maximova, O., Belyaev, V. and Laukart-Gorbacheva, O. (2017), “Transformation of The System of Bilingual Education in The Republic of Tatarstan: Crossover Ethnolinguistic Controversies”, *Journal of Social Studies Education Research*, Vol 8, no 2.

12. Pickering, R. (2014), *Terrorism, extremism, radicalisation and the offender management system in England and Wales in Prisons*, in Silke, A. (ed.) *Terrorism and Extremism: Critical Issues in Management, Radicalisation and Reform*, Routledge, London, N.Y., UK.

13. Posluszna, E. (2015), *Environmental and Animal Rights Extremism, Terrorism, and National Security*, Butterworth-Heinemann, Oxford, UK.

14. Schmid, A. (2014), *Violent and Non-Violent Extremism: Two Sides of the Same Coin?*, ICCT, Hague, Netherlands.

15. Trilling, D. (2012), *Bloody Nasty People: The Rise of Britain's Far Right*, Verso Books, London, N.Y., UK.

16. Thomas, P. (2012), *Responding to the Threat of Violent Extremism. Failing to Prevent*, Bloomsbury Academic, London, UK.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Беляев Владимир Александрович, заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента КНИТУ-КАИ им. А.Н.Туполева, д-р полит. наук, профессор.

Vladimir Alexandrovich Belyaev, Director of Department of Sociology, Political Sciences and Management, KNITU-KAI named after A.N. Tupolev, Doctor of Political Sciences, Professor.